

Чешихин Е.В

**История Ливонии с
древнейших времен**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.В Ч.**
История Ливонии с древнейших времен: Том 1 / Чешихин Е.В – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 409 с.

ISBN 978-5-521-30233-8

ISBN 978-5-521-30233-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОСВЯЩАЕТСЯ

гг. членамъ русскихъ общественныхъ учреж-
деній въ Ливоніи

для споспѣшествованія знанію прошлаго этой страны
и для укрѣпленія среди ихъ правильнаго разумѣнія
своего настоящаго и задачъ будущаго.

Отъ составителя книги гг. членамъ русскихъ общественныхъ учреждений въ Ливоніи.

(Вмѣсто предисловія).

Мм. Гг.! Составитель этой книги, посвящая ее Вашему благо-склонному вниманію, считаетъ совершенно излишнимъ излагать пользу, необходимость и важность знанія прошлаго той страны, въ которой мы живемъ, въ которой многіе изъ насъ родились и въ которой многимъ, по закону природы, придется сложить свои кости. И въ самомъ дѣлѣ кто изъ насъ не знаетъ и кто не убѣжденъ въ томъ, что наше настоящее, всѣ наши отношенія, всѣ свѣтлыя и темныя стороны нашего быта и положенія — все это результатъ прошлаго, результатъ дѣятельности и жизни предшествовавшихъ намъ поколѣній, и до извѣстной степени результатъ развитія всего нашего отечества.

Не блистательно современное намъ положеніе всѣхъ русскихъ общественныхъ учреждений въ Ливоніи: вездѣ и всюду замѣчается скудость средствъ, слабость силъ, и что хуже всего, отсталость, но почему и отчего это происходитъ? Виноваты-ли мы сами въ этой скудости, или было нѣчто другое, обусловившее нашу скудость? Обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ только прошлое нашей страны, только знаніе условій, при которыхъ приходилось жить и намъ самимъ и нашимъ отцамъ и дѣдамъ. Отчасти мы виноваты сами — но только отчасти; главная же причина нашей скудости заключается въ томъ, что условія, при которыхъ мы жили въ прошломъ, намъ не благопріятствовали, даже сильно не благопріятствовали, до того сильно, что продолжай онѣ свое существованіе понынѣ, мы, конечно, не имѣли бы и того малаго, что уже имѣемъ. — Но какія же это условія? Ихъ надобно знать; а если такъ, то все сводится къ тому, что не зная отчетливо своего прошлаго, очень трудно, иногда и совсѣмъ невозможно основательно уразумѣть причины и поводы почему наше настоящее является въ томъ видѣ, въ какомъ оно нынѣ существуетъ, а не въ другомъ, лучшемъ, въ какомъ бы было желательно его видѣть. Сколькихъ ошибокъ, увлеченій, уклоненій въ стороны мы избѣгли бы, если бы задачи лучшей будущности, стремиться къ которой должно всякое общество и всякое учрежденіе, мы опредѣляли и ставили себѣ на основаніи знанія прошлаго и условій жизни и быта нашихъ предшественниковъ.

Ливонія развивалась далеко не при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ шло развитіе всего нашего отечества, и именно эти мѣстные условія и повлекли за собою всѣ современныя намъ стремленія населеній страны къ улучшенію ихъ быта. Выяснить эти условія, другими словами дать на русскомъ языкѣ обстоятельную и по возможности полную исторію Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ (на русскомъ языкѣ такой исторіи еще не появлялось), и тѣмъ сослужить посильную службу всѣмъ русскимъ землякамъ, вообще и ливонскимъ русскимъ землякамъ въ частности — такова главная цѣль, которую имѣлъ въ виду составитель этой книги. Задача не малая и не легкая, но составитель не на столько самонадѣянъ, чтобы сказать, что онъ въ состояніи выполнить всю задачу во всей ея обширности и многосторонности. Онъ это не обѣщаетъ и не можетъ обѣщать уже по одному тому, что исторія Ливоніи отнюдь не представляетъ собою поля, вполне воздѣланнаго. Исторія Ливоніи хорошо разработана изслѣдователями лишь за время самостоятельнаго существованія этой страны; исторія польскихъ и шведскихъ временъ разработана еще недостаточно, а съ 1710 г. еще менѣе. Много еще труда, много подготовительной работы предстоитъ совершить для изложенія Ливонской исторіи за три послѣднія столѣтія. Тутъ масса пробѣловъ, недовольно изслѣдованныхъ частныхъ; но, однако, кое-что уже и сдѣлано, кое-что и установлено, благодаря успѣхамъ исторической науки, на прочныхъ, неподлежащихъ уже оспариваніямъ, основаніяхъ.

Составитель этой книги отнюдь не претендуетъ на выполненіе существующихъ пробѣловъ въ Ливонской исторіи (къ этому онъ не имѣетъ ни средствъ, ни возможности), не претендуетъ онъ на какую либо новостъ взглядовъ; онъ подведетъ, такъ сказать, только итогъ изслѣдованной уже мѣстной старины, при чемъ особенное вниманіе обратить на отношенія Ливоніи къ Россіи, такъ какъ именно эти отношенія оказали самое большое и самое рѣшительное вліяніе на судьбы этой окраины Россіи.

Свое изложеніе составитель книги начнетъ краткимъ географическимъ описаніемъ края, дабы читатель видѣлъ, что Ливонія есть ничто иное какъ продолженіе русской государственной области къ Балтійскому морю, составляетъ лишь частину этой области, никакими естественными предѣлами не отдѣляющуюся отъ оной. Не подлежитъ сомнѣнію, что ходъ событій въ данной странѣ подчинялся и неизбѣжно подчиняется природнымъ условіямъ ея. Одинаковость природныхъ условій странъ ничѣмъ не отдѣленныхъ другъ отъ друга, влечетъ за собою одинаковый образъ жизни населеній ихъ, и такія страны, рано или поздно, такъ или иначе, но всегда сливаются въ одну общую государственную область какъ бы ни было разноплеменно и разнородно первоначальное населеніе ихъ. Такъ было всюду, такъ произошло и съ Ливоніею. Населенія ея, какъ ни отличались языками

и происхожденіемъ отъ славянскихъ племенъ, заселившихъ области нынѣшней Россіи, не могли не войти въ сношенія съ этими племенами, такъ какъ ни значительныя горы, ни значительныя воды не отдѣляли ихъ другъ отъ друга, а войдя въ сношенія не могли не подчиняться ихъ вліянію, такъ какъ славянскія племена были и сильнѣе и даровитѣе племенъ, въ отдаленнѣйшей древности жившихъ по бережьямъ Балтійскаго моря и усть-двинскимъ мѣстностямъ. Досто-вѣрная исторія нашего отечества, начинающаяся съ X столѣтія, за-стаетъ уже ливо-латышскія племена находящимися, не скажемъ подъ властію, но подъ сильнымъ вліяніемъ полочанъ, а запейпускую чюдъ подъ вліяніемъ правда слабымъ, но все же вліяніемъ энергичныхъ, предпріимчивыхъ и отважныхъ новгородцевъ. Русскіе городки и поселки со временъ уже Ярослава Владиміровича начинаютъ появляться въ Ливоніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ вносятся къ языческимъ ливонскимъ народцамъ и православіе, никому, впрочемъ, не навязывавшееся силою. Уже съ того времени начинается то, чему судили быть природныя условія Ливоніи, т. е. сліяніе съ русскою государственною областію, но этотъ естественный ходъ событій былъ задержанъ на нѣсколько столѣтій событіями, бывшими опять же слѣдствіемъ природныхъ условій восто-латышскаго края, какъ прилегавшаго къ Балтійскому морю. По ливо-латышскимъ землямъ шелъ второй водный путь въ Византію. Этотъ водный путь, какъ и великій греческій, съиздавна былъ извѣстенъ скандинавскимъ мореходцамъ, направлявшимся въ Кіевъ и Византію, по Двинѣ же внизъ полочане входили въ Балтійское море и торговали въ Готландъ, какъ по Волхову и Невѣ новгородцы входили въ Финскій заливъ, и ихъ купцы навѣщали и Швецію, и Данію, и Готландъ. Торговали выгодно и бойко, и Готландъ съ середины XII ст. явился центральнымъ пунктомъ всей торговли сѣверныхъ странъ. Торговыя выгоды привлекали на Готландъ множество купцовъ изъ всѣхъ странъ Европы. Этотъ островъ со своимъ главнымъ городомъ Висби съ теченіемъ времени явился главнымъ посредникомъ русской торговли съ европейскою, при чемъ готландцы извлекали столь значительныя барыши, что у бременскихъ купцовъ явилась мысль завести самимъ торговыя сношенія съ русскими безъ всякихъ посредниковъ. Снарядили корабль и съ товарами отправили его къ ливонскимъ берегамъ.

Корабль присталъ къ устью Двины и бременскимъ мореходцамъ удалось завязать торговыя сношенія съ ливами и русскими. Торговля быстро росла, нѣмецкія купцы построили себѣ амбары, учредили купеческія конторы къ общей выгодѣ и своей и русскихъ, и оставаясь они при своихъ купеческихъ дѣлахъ, Ливонія, конечно, не только бы ничего не проиграла, напротивъ много-бы выиграла. Но этого не произошло: торговыя выгоды пробудили алчность бременскаго архіепископа и вотъ около 1184 г. впервые въ усть-двинской землѣ появился монахъ для

проповѣди ливонскимъ язычникамъ христіанства. Съ дозволенія православнаго полоцкаго князя (это очень удивительно, но безусловно вѣрно) началась проповѣдь католичества, а съ нею и измѣненіе хода всѣхъ дѣлъ въ Ливоніи. „Божьи дворяне“ и „честные бискупы“ утвердились среди эсто-латышскихъ народцевъ, силою обратили ихъ въ католичество, вытѣснили русскихъ изъ ихъ ливонскихъ городковъ и поселковъ, и изъ Ливоніи сдѣлали не какое либо прочное государство — какос государство могли они основать на клочкѣ русской государственной области — не монархію и не республику, а просто нѣмецкую колонію, которая бы ихъ кормила и поила.

Утвержденіе въ Ливоніи „божѣихъ дворянъ“ и „честныхъ бискуповъ“ извратило естественный ходъ событій въ Ливоніи, задержало на цѣлыя столѣтія то, что должно было совершиться и что ясно намѣчалось уже до ихъ прихода, а вмѣстѣ съ тѣмъ внесло въ Ливонію смуту, раздоръ, войны, кровопролитія. Цѣлая пропасть легла между побѣдителями и побѣжденными, при чемъ и тѣ и другіе не знали и не могли знать покоя. Побѣдители жили подъ вѣчною грозою русскихъ, побѣжденные только и думали что о сверженіи наложеннаго на нихъ ига и рабства, — а тутъ властители, орденъ и духовенство, изъ за власти, изъ за кормленій, вѣчно ссорились, враждовали между собою. Тѣмъ не менѣе нѣмецкая колонія просуществовала самостоятельно цѣлыхъ 350 лѣтъ, благодаря единственно тому, что вся раздробленная Русь не имѣла еще единовластія, долго не могла окрѣпнуть послѣ татарскаго разгрома. Но вотъ за разгромомъ начинается собираніе русскихъ земель вокругъ Москвы и чрезъ 350 лѣтъ послѣ появленія въ Ливоніи католичества случилось то, что ливонскіе властители предвидѣли еще за 100 лѣтъ до Грознаго.

Московскій царь, осиливъ татарскія царства, заявивъ Польшѣ, что вѣчнаго мира съ нею не будетъ, пока исконная русская вотчина, Западная Россія, не соединится съ ея Восточною половиною, двинулся на Ливонію, чтобы взять обратно то, что было силою отнято узурпаторами у русскихъ. Загорѣлась сильная, двадцать лѣтъ продолжавшаяся война, но въ концѣ концовъ Іоаннъ долженъ былъ уступить своимъ соперникамъ: ему не подъ силу было бороться одновременно съ тремя державами, имѣвшими свои причины и поводы не допускать русскихъ овладѣть балтійскими гаванями. Онъ уступилъ; его соперники восторжествовали; Ливонія раздѣлилась на три части подъ двумя державами, и испытала тяжкія бѣды за то, что ея властители не пошли на подчиненіе московскому государю. Поляки разсорились со шведами, начались самыя опустошительныя войны. Шведы осилили, присоединили къ своему государству и Эстляндію и Лифляндію. Но развѣ это соединеніе соответствовало природнымъ условіямъ Ливоніи, но развѣ шведы, ограбившіе русскихъ „отеческими пристанями“, какъ выразился Петръ Великій, могли рассчитывать на

прочность присоединенія, на возможность удержанія за собою клочка русской государственной области? Если и рассчитывали, то сильно ошибались въ своихъ расчетахъ. Они продержались въ Ливоніи лишь до 1710 г.; ихъ ливонскія приобрѣтенія отошли по своей принадлежности къ русской государственной области, и Петръ Великій совершилъ то, къ чему тщетно стремился его предокъ — Іоаннъ Грозный. Собираніе земель русской государственной области въ единое государство продолжалось послѣ Петра и кончилось лишь къ концу XVIII ст., когда Западная Россія соединилась наконецъ послѣ много вѣковаго раздѣленія съ Восточною половиною Россіи — лишь къ 1796 г.

Совершилось то, что неминуемо и неотразимо должно было совершиться на равнинѣ, не имѣющей ни горъ, ни всего, что питало бы областныя раздѣльности, и лишь съ этого только времени повелитель этой исполинской равнины сдѣлался *de facto* Всероссійскимъ Царемъ.

Собираніе кончилось. Теперь Россіи осталось устранить все то, что было результатомъ ненормальнаго хода событій, шедшаго вопреки природныхъ условій частей ея; сгладить неровности, засыпать пропасти, которыя образовались мѣстами между бывшими нѣкогда побѣдителями и побѣжденными и направить дѣла ихъ естественнымъ путемъ къ общему единенію всей русской семьи.

Таковъ планъ, назначеніе этой книги. На сколько составитель достигъ своей цѣли — судить уже не ему. Онъ проситъ только снисхожденія къ своему труду, какъ нѣкогда просилъ снисхожденія продолжатель нашей древнѣйшей Лаврентьевской лѣтописи: „И нынѣ, господа отци и братія, еже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите, исправливая Бога дея, а не клените.“

Р и а,
октябрь 1884 года.

Исторія Ливоніи.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Ливонскій край, его населенія и отношенія нъ сосѣдямъ до бытія нѣмцевъ.

1. Общее обозрѣніе страны и общій выводъ. Разсѣненіе славянъ.

Общимъ именемъ *Ливоніи* мы будемъ означать три нынѣшнія губерніи Россійской имперіи: Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую съ тремя нынѣшними уѣздами Витебской губерніи Рѣжичскимъ, Люцинскимъ и Динабургскимъ, имѣвшими у поляковъ общее названіе Инфлянтовъ. Весь этотъ край не великъ пространствомъ: онъ занимаетъ площадь въ 1737 квадр. миль, между 55°40' и 58°30' широты, не знаменитъ онъ какими либо естественными богатствами или особеннымъ плодородіемъ почвы; никогда не славился онъ богатствомъ или многочисленностію своего населенія, потому что въ этомъ краѣ нынѣ живетъ не болѣе 3 мил. народа, тѣмъ не менѣе этотъ край въ свое время игралъ не маловажную роль въ исторіи сѣверныхъ державъ вообще и въ исторіи русскаго государства въ частности. Тутъ, на этомъ небольшомъ сравнительно клочкѣ русской государственной области, столкнулся міръ германскій — нѣмцы, шведы, датчане — съ міромъ славянскимъ, русскими и поляками; тутъ изъ за вопроса кому владѣть гаванями восточнаго побережья Балтійскаго моря разыгралась драма, преисполненная войнъ и переворотовъ, драма, прологомъ къ которой послужило появленіе въ ливскихъ земляхъ католическаго монаха, и эпилогъ которой законченъ русскими государями, Петромъ I и Екатериною II, сдѣлавшими наконецъ Ливонію тѣмъ чѣмъ судили быть этой странѣ ея географическія условія, т. е. нераздѣльною частію Россійской имперіи.

Сѣверную часть Ливоніи составляетъ нынѣшняя Эстляндская губернія, имѣющая тѣже самыя предѣлы, какія она имѣла въ старину, когда отъ датчанъ перешла во владѣніе тевтонскаго ордена. Это старинная Эстонія. Начинаясь отъ устья Наровы, она прилегаетъ къ Финскому заливу и Балтійскому морю, примыкая съ юга къ сѣвернымъ уѣздамъ Лифляндской губерніи. Въ Эстляндіи нѣтъ судоходныхъ рѣкъ, но много болотъ, лѣсовъ, сѣнокосовъ. Доходя до 59°30' сѣверной широты, она подвержена холоднымъ вѣтрамъ и по

своему климату принадлежит скорѣе къ сѣверной, чѣмъ къ средней полосѣ Россіи. Подпочву этой губерніи составляетъ известковый пласть, покрытый тонкимъ слоемъ пахатной земли, но вообще эта губернія камениста, а короткое лѣто значительно затрудняетъ земледѣліе.

Среднюю часть Ливоніи составляетъ Лифляндская губернія. Балтійское море отъ Эстоніи до устья Западной Двины и нѣсколько далѣе по Рижскому заливу до Домеснеса составляетъ ея западную границу; Двина южную; сѣверное плоскогоріе, тянущееся отъ плоскогорія Валдайскаго, отдѣляетъ къ сѣверу эту губернію отъ Эстоніи; съ востока Пейпусъ и Псковское озеро отдѣляютъ Лифляндію отъ псковскихъ земель, но за тѣмъ отъ Псковскаго озера уже нѣтъ рѣшительно ничего, чтобы служило естественною границею между Лифляндіею и землями псковскими и древнихъ полочанъ. Подпочва въ Лифляндской губерніи желто-красный песчанникъ; тутъ ряды холмовъ пересѣкаются равнинами и болотами, замѣчаются плоскогорія и круглыя возвышенности, поднимающіяся до 1000 футовъ надъ уровнемъ моря. Самыя значительныя возвышенности образуютъ ряды холмовъ около Муннамеги у Гангофа, у водораздѣла между южными притоками Пейпуса и притоками Западной Двины и Аа. Плодородными можно считать земли, лежащія по Западной Двинѣ, а также окрестности Феллина, Руэна, Салисбурга, Эрмеса и Вольмара; самыя неплодородныя земли — это песчаный морской берегъ и болотистый бассейнъ Пернавы.

Въ Курляндской губерніи подпочва похожа на Лифляндскую, но съ наноснымъ большимъ слоемъ глины очень удобнымъ для сѣянія пшеницы, именно въ плодородной Митавской равнинѣ, въ окрестностяхъ Бауска и въ юго западной части губерніи, между тѣмъ какъ въ Лифляндіи и Эстляндіи пшеница или не родится вовсе или родится очень плохо. Вдоль морскаго берега тянутся песчаные холмы, которые проходятъ чрезъ Лифляндскую губернію до Пернова и достигаютъ крутого известняковаго берега Эстляндіи.

Во всѣ три губерніи очень богаты водами и озерами. Главные продукты края — пшеница въ Курляндіи, рожь въ Лифляндіи и Эстляндіи, ленъ въ Лифляндіи; кромѣ того вездѣ разводится ямень, овесъ, гречиха, горохъ, бобы. Свекла не родится; но скотоводство въ краѣ значительно распространено. И теперь еще болотистые лѣса и луга и бесполезныя болота занимаютъ по крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ всего края; въ Перновскомъ уѣздѣ болота составляютъ $\frac{3}{4}$ всего его пространства. Въ Курляндіи болота занимаютъ только $\frac{1}{5}$ часть ея пространства. Самыя большія болота находятся въ Викѣ въ 100 кв. верстѣ, въ Аллентакенѣ въ 250 кв. верстѣ, къ сѣверу отъ Пернова около озера Лавварзаръ въ 150 кв. верстѣ, между Перновомъ и Феллиномъ въ 400 кв. верстѣ, между Перновомъ и Салисомъ во столько же (Ольгенурвское болото въ 150 кв. верстѣ). У Пейпуса, у Вирцъерва, у Эвста и у Аа находятся болота каждое въ 100 кв. верстѣ.

Древнія лѣтописи крайне скудны описаніями мѣстностей Ливоніи, но всѣ лѣтописцы единогласно свидѣтельствуютъ, что Ливонія чрезвычайно обилвала лѣсами. Лѣса простирались на громадныя пространства, прерываясь малыми и рѣдкими поселками. Даже путешественники XVII в. описывали Ливонію лѣсистою и мало обработанною страню.

Какъ бы то ни было, но Ливонія, примыкая съ юга къ нынѣшней Ковенской губерніи и съ востока къ губерніямъ Витебской, Псковской и С.-Петербургской, никакими естественными границами не отдѣляется отъ нихъ. Одинъ взглядъ на карту Прибалтійскихъ губерній, показываетъ, что край этотъ есть не что иное какъ продолженіе къ Балтійскому морю громадной равнины, составляющей русскую государственную область и простирающейся отъ Бѣлаго моря къ Черному и отъ Балтійскаго къ Уралу и Каспію. Нѣтъ на этой равнинѣ никакихъ значительныхъ возвышеній, никакихъ рѣзкихъ переходовъ, нѣтъ ничего, что затруднило бы расселеніе по ней народовъ и нѣтъ ничего, что обусловливало бы областныя раздѣльности, напротивъ имѣются всѣ условія для легкости передвиженія и взаимнаго сближенія поселенцевъ. — Однообразіе природныхъ формъ, говоритъ нашъ историкъ (см. Исторію Россіи Соловьева I, 1) исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію, — п равнина, какъ бы не была обширна, какъ бы не было въ началѣ разноплеменно ея населенія, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между нами, отсюда же понятно также, что ливонскія земли рано или поздно, такъ или иначе, но должны были войти въ составъ русскаго государства, ибо не въ силахъ человѣка измѣнить природныя условія страны и ходъ событій въ ней, всегда обусловливаемыхъ этими условіями и совершавшихся сообразно имъ.

Современная намъ историческая наука принимаетъ, что при первомъ движеніи арійскихъ племенъ изъ Азіи въ Европу были прежде всего заселены Греція, Італія и Испанія. За этимъ первымъ движеніемъ слѣдовало второе — движеніе кельтовъ — которые, найдя южную Европу уже занятою, должны были остановиться въ западныхъ частяхъ средней Европы и уже отсюда пробиваться на полуострова южной Европы, въ Испанію, гдѣ смѣшались съ первоначальными насельниками, иберами, и въ Италію, значительную часть которой они и заняли. Третье движеніе арійскихъ племенъ въ Европу было движеніе *славянъ*, которые, найдя югъ и западныя части средней Европы уже занятыми, должны были основываться въ лучшей изъ остальныхъ

частей — въ области Дуная. Четвертымъ движеніемъ арійскихъ племенъ было движеніе *литовское*. Литовцамъ уже не было мѣста ни на Дунаѣ, ни въ средней Европѣ: они пошли болѣе къ сѣверу и сѣли въ обширныхъ мѣстностяхъ по нижнимъ теченіемъ рѣкъ Вислы, Нѣмана и Западной Двины. Пятое движеніе арійскихъ племенъ изъ Азіи было движеніе германцевъ. За невозможностью потѣснить племена, прежде прошедшія, они прошли чрезъ земли нынѣшней Россіи на Скандинавскій полуостровъ и уже отсюда, впоследствии, двинулись на югъ.

Славяно — арійское племя, появившееся въ Европѣ послѣ кельтовъ, не помнитъ ни времени своего прихода, ни вождя, который вывелъ его изъ Азіи, сохранило лишь преданіе, что первоначальное его пребываніе было на Дунаѣ, что какой-то сильный врагъ въ отдаленной древности потѣснилъ славянъ съ Дуная, которые вслѣдствіе того должны были селиться сперва на сѣверъ отъ первоначальнаго пребыванія, а потомъ на сѣверо-востокъ на земли, составляющія нынѣ русскую государственную область. Когда именно началось движеніе славянъ къ сѣверо-востоку отъ первоначальнаго пребыванія — трудно сказать, даже приблизительно. Съ вѣроятностію можно лишь предполагать, что расселеніе происходило по рѣкамъ Рѣчныя системы (бассейны) опредѣлили въ самой глубокой древности системы русскихъ областей и княжествъ, и по четыремъ главнѣйшимъ рѣчнымъ системамъ русская земля раздѣлилась на четыре главные области: озерно-ильменскую, западно-двинскую, днѣпровскую и верхне-волжскую. Озерно-ильменскую область заняли племена, единственно сохранившія за собою имя славянъ; верховья Западной Двины и Днѣпра заняло славянское племя кривичей, родоначальниковъ нынѣшнихъ бѣлорусовъ; земли днѣпровскаго бассейна, днѣпровскую область, составившую собственно Русь, заняли родоначальники нынѣшнихъ малоруссовъ; земли верхне-волжскія составили ростовскую область, которую заняли родоначальники нынѣшнихъ великоруссовъ.

Расселеніе славянскихъ племенъ по русскимъ рѣчнымъ системамъ происходило, конечно, медленно, постепенно, но происходило-ли это расселеніе, эта колонизація совершенно мирнымъ путемъ или поселенцамъ приходилось вытѣснять прежнихъ насельниковъ, кто бы они ни были — опять ничего не извѣстно. Вѣроятнѣе предполагать, что расселеніе совершалось безъ всякихъ войнъ: земли никому не принадлежавшей было такъ много, первоначальныхъ насельниковъ было такъ мало, что и вытѣснять никого не приходилось; происходило, быть можетъ, то же самое, что происходитъ въ наши дни при колонизаціи громадныхъ пространствъ Амурскаго края, гдѣ, какъ и въ древне-русскихъ областяхъ, земли никому, не принадлежавшей чрезвычайно много, а первоначальныхъ насельниковъ чрезъ-